

Ценностное измерение соотношения бытия и небытия. К постановке моральной проблемы

К. А. Шпека

Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия

В статье рассматривается проблема соотношения бытия и небытия с понятием становления через призму аксиологической проблемы. Автор исследует природу человека при помощи понятия практики, применяя выводы к определению причин происхождения ценностей, и приходит к выводу о высоком аксиологическом значении актуализации современной эпохой пограничного состояния человека.

Ключевые слова: *бытие, небытие, становление, жизнь, практика, человек, ценность, аксиология, труд, упаднические идеи, эпоха.*

В последнее время (около 20 лет) в среде отечественных философов наблюдается рост интереса к проблеме соотношения между элементами фундаментальной категориальной связки «бытие-небытие»¹. Конечно, проблема соотношения бытия и небытия в философии не нова. Так или иначе, она присутствовала на протяжении всего исторического развития философии. Это не удивительно, потому что онтологическая проблематика, так или иначе, упирается в вопрос о происхождении всего сущего, обойти который без обращения внимания к небытию невозможно. В этой связи следует вспомнить хотя бы древнекитайскую философию. Вся система даосизма, к примеру, построена на образе невысказанного дао, которое по своим характеристикам тесно соприкасается с небытием. Античная же философия зародилась с постановки вопроса о небытии, что привело к появлению этого понятия как философского «инструмента», при помощи которого можно очертить проблемное поле фундаментальных теоретических посторенний о мире. Средневековая философия, решая поставленные религиозной идеологией перед ней задачи, выпестована в связи с апологетикой догмата о сотворении мира из *ничего*. Лейбниц в своё время провозгласил наиболее важным для метафизики вопрос: «Почему существует нечто, а не ничто?». В последствие эти слова повторил М. Хайдеггер. Ещё рань-

ше пристальное внимание этой проблеме было уделено Г. Гегелем в его «Науке логики». Представитель же французского экзистенциализма Ж.-П. Сартр своей основной философский труд и вовсе озаглавил «Бытие и ничто». Разумеется, перечень этот не является исчерпывающим. Его можно продолжать и продолжать.

Думается, не будет большим преувеличением, если сказать, что опубликованная относительно недавно работа А. Н. Чанышева «Трактат о небытии» породила новую волну интереса к данной проблеме в среде отечественных философов. Возможно, многие сочли эту публикацию чем-то похожим на юношескую банальность — попытку эпатажа учёной общественности. Но тем не менее факт остаётся фактом: последовавшие за этим публикации по данной теме на страницах таких солидных периодических изданий, как «Вопросы философии» и «Философские науки», а также появление монографий и диссертационных исследований говорит о том, что внимание философов к проблеме не просто налицо, но продолжает расти. Приводить здесь все существующие ныне философские исследования — задача бессмысленная, т. к. количество их почти необозримо. Но, чтобы не быть голословным, достаточно указать на то, что ведущий российский интернет-ресурс Elibrary по одному поисковому запросу «небытие» выдаёт больше трёх десятков тысяч публикаций, так или иначе затрагивающих эту тематику. Однако при знакомстве с необозримым количеством публикаций, посвящённых этой проблематике, порой возникает впечатление «топтанья на месте» в том смысле, что проблема соотношения небытия и бытия остается во многом неразрешимой, а перед читателями, да и перед самими авторами публикаций, остаются все те же вопросы в виде поставленной философской проблемы. Это не

¹ Объём данной статьи не позволяет провести подробный обзор публикаций по данному вопросу, осуществлённых за период с начала 90-х по настоящий момент. Однако, дабы не показаться голословным, необходимо указать на самое последнее издание, посвящённое многогранному рассмотрению данной проблемы. В этих целях отправляем читателя к коллективной работе «Проблема соотношения бытия и небытия», Казань, 2004 г.

удивительно. Анализ этих основополагающих философских понятий крайне затруднителен в силу их предельной абстрактности. Вместе с тем их теоретическое и — самое важное — мировоззренческое значение, несомненно, велико, поэтому исключить ее из поля философских размышлений нельзя.

Само возникновение философии связано с постановкой вопроса о бытии и, как следствие, о его противоположности. Вот эта противоположность и представляет собой парадокс существования несуществующего. Несомненно, как понятие небытия существует, но можно ли признать его существующим не только в гносеологическом, но и в онтологическом смысле? В таком случае, следуя элейской традиции, его следует именовать уже не небытием, а бытием. Тогда логический парадокс неразрешим и проблема соотношения этой понятийной связки в аспекте приоритетности того или другого повисает в воздухе.

Этот парадокс — необходимый результат метафизического подхода к теоретическому анализу данной проблемы. Под этим я имею в виду познавательный подход, основанный на логическом законе, запрещающем противоречивое суждение в отношении одного предмета. Изучаемое явление в таком случае представляет собой нечто неизменное, т. е. пребывает в полном покое, а соответственно и не испытывает никакого воздействия со стороны иного, что в свою очередь приводит к выводу о *несущественности* процессуального характера (длительности) объективной реальности. Можно ли преодолеть этот подход? Попробуем задуматься над «несущественностью» изменений объективной реальности. Для этого вспомним, что философия — специфичный род знания об окружающем человека мире с точки зрения взаимодействия человека с этим миром. Поэтому метафизический подход не совсем эффективен, если рассматривать человека — его сознание — вне связи с окружающим его миром. Ведь объективная реальность противостоит человеку как нечто чуждое, внешнее, но также и позволяет ему *существовать*, хотя бы в качестве естественной среды его обитания.

Философия — попытка целостного теоретического объяснения мира. Любая же теория содержит в себе определенную долю субъективности. Человек как познающий субъект — та точка, в которой фокусируются философские взгляды эпохи, тесно связанные в свою очередь со всем знанием (научным, протонаучным, квазинаучным и т. д.) этой эпохи. В то же время человек как субъект познания это исходная точка возникновения и развития философии. Поэтому вместе с

осмыслением окружающего мира начинается и осознание собственной индивидуальности (впоследствии на стадии абстрактного мышления — субъективности, когда человек мыслится уже в родовом смысле).

Как индивид человек представляет собой *эмпирическое* явление. Он — то единичное, которое, как и все остальное, существует в пространстве и времени, т. е. изменяется хотя бы в физиологическом смысле. Очень отчетливо такие изменения в физиологии человека наблюдаются в современной жизни, что стало уже научным фактом. Современный человек по своему внешнему облику заметно отличается от человека начала 20-го века [3, с. 40]. Появляются специфические недуги, что является отражением новой социальной реальности, в которой велико значение технической и информационно-виртуальной составляющих. Коммуникационное же значение последней поистине гигантское. В связи с этим можно полностью согласиться с точкой зрения, которая говорит следующее: «В последнее время сформировалось целое поколение людей, для которых компьютер и пребывание в сети стали экзистенциальным фактором. Великая формула Рене Декарта *cogito ergo sum* трансформировалась ныне в слоган *online ergo sum*. Индивидуальное и социальное бытие оказались настолько тесно связаны с сетевой реальностью, что подлинные человеческие чувства оказались вытесненными и забытыми. Живое человеческое общение обратилось в симулякр сетевого присутствия, душевный разговор — в чат, а продуктивная творческая работа преподавателя и студента, неизбежно предполагающая полноценную обратную связь, еще до пандемии превратилась в суррогат дистанционного обучения» [2, с. 57].

Все это происходит не только под влиянием естественных причин, но в наибольшей степени в силу одной существенной особенности самого человека, которая придает ему особый статус в мире природы. Специфической чертой человека следует признать не столько мышление, сколько способность *практически* опредмечивать — самое главное — себя (как в смысле материализации идей своего сознания, так и в смысле иррациональной деятельности на основе инстинктивных потребностей) посредством чувственно-материального воздействия на окружающий мир, т. е. практического преобразования окружающей среды: «Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил различные виды растений и животных, но изменил также внешний вид и климат своего местожительства, изменил даже самые растения и животных до такой

степени, что результаты его деятельности могут исчезнуть с общим омертвлением земного шара» [5, с. 28]. Поэтому человек не может быть автономен в онтологическом смысле от движения, изменения как всеобщей формы существования материи. Его сущность не может быть понята, раскрыта, в отрыве от непосредственных условий его бытия как существа, прежде всего, материального, т. е. вне рассмотрения его в качестве одного из непосредственных компонентов процесса изменения (движения) реальной действительности.

Вне человека философия существовать не может. Несмотря на то, что философы различных времен старались обнаружить нечто незыблемое (сфера неизменных смыслов, эйдосов), пребывающее сверх движения (становления) пространственно-временной реальности (неподлежащего сомнению в качестве эмпирического факта), приходится признавать, что попытки создать завершённую мировоззренческую теорию оказались в каком-то смысле утопичными. Философские системы взглядов в историческом ракурсе настолько разнообразны, что изучение их истории представляет собой значительный компонент профессиональной подготовки для любого профессионально занимающегося философией. При этом различные исторические типы философии как формы объяснения мира каждый раз преподносят предшествующие философские работы в качестве структурных элементов собственной системы (как правило, с точки зрения критики предшественников). При этом изучение философских артефактов чаще всего приводит к их различной интерпретации с точки зрения субъективных мировоззренческих потребностей, которые продиктованы *историческими* условиями существования человека — той эпохи, в которой он пребывает.

Именно существование человека как форма проявления бытия в конкретно-исторических условиях представляет собой основу того интеллектуального поля, на котором произрастает древо философии. В этом отношении философия едина с позитивными науками — начало познания это все-таки эмпирический факт. В данном контексте он представляет собой интеллектуальное обобщение непосредственно воспринимаемой (не осознанной в форме научных понятий или логических категорий) и относительно устойчивой во времени практики взаимодействия человека с материальными объектами, точнее — результатов практики, которые и являются теми самыми историческими условиями его существования. Факт же *изменчивости* материальных объектов настолько неоспорим уже для непосредственного восприятия, что отрицать его невозможно. Измен-

чивость эта приводит к тому, что появляется новое и исчезает старое, переставая существовать, прежде всего, в чувственно-наличном смысле, как то, что непосредственно дано субъекту (в качестве материального объекта, который воспринимается человеком, либо, более того, вовлечен в сферу его практической жизни). А это оказывает обратное воздействие на самого человека.

Бытие как предельно отвлеченное понятие используется философией для обозначения всего многообразия существующего, которое, прежде всего, представляет собой бесконечную совокупность материальных объектов — Вселенной, находящейся в постоянном движении. Естественные процессы постоянно приводят к появлению нового на всех природных уровнях организации материи. Ведь отрицать факт геологических процессов, приводящих к изменениям неживой материи (в данном случае вещества) — занятие бесполезное, т. к. данный факт настолько очевиден, что в научной общественности, специализирующейся на геологии, он воспринимается почти как аксиома (в том смысле, что чувственно-наглядная очевидность не порождает необходимость логического обоснования процессуальности объективной реальности хотя бы на уровне геологии).

Кроме этого, сам человек как биологический вид (хомо сапиенс) такое же эмпирическое явление в силу своей материальности и существует в движении. Он меняется даже морфологически, что в настоящее время признается научным фактом и подвергается внимательному изучению антропологами, о чем мы уже упомянули выше. В связи с этим стоит упомянуть скандально известного Ф. Фукуяму и в частности одну из последних его книг «Последний человек и наше постчеловеческое будущее». Поэтому стоит еще раз напомнить, что бытие как понятие — предельная абстракция для обозначения всего сущего, представляющего собой совокупность бесконечного количества материальных объектов. А они — с одной стороны форма проявления бытия, с другой стороны препятствие для создания завершённой (абсолютной) теории познающим субъектом, который переводит бытие материального в бытие духовного, познавая сущность материальных объектов, а затем воспроизводя и преобразуя их практически (яркий тому пример — появление в современной жизни искусственной пищи). Ведь отождествить бытие и материальный объект нельзя, так же как нельзя бесконечное охарактеризовать при помощи характеристик объекта, существующего в пространстве и времени. Кстати, в силу этого эмпирическое знание, выведенное из опыта посредством индук-

тивного метода, обладает прежде всего вероятным характером, т. к. эмпирический факт является основой научной теории до той поры, пока не будет установлен новый факт, способный опровергнуть существовавшую дотоле теорию. Человеческий опыт не всемогущ для того, чтобы объять необъятное. К примеру, мировой океан до сих пор слабо изучен. Все биологические процессы и виды, которые существуют на глубине более 3 километров, нам практически не известны. Человек как индивид не может жить вечно, чтобы быть в силах наполнить своё знание об окружающем мире окончательным эмпирическим содержанием. Даже если допустить эту возможность, то такое наполнение будет являться бесконечным процессом познания объективной реальности *вечным* индивидом, в противном случае пространственно определённое и пространственно бесконечное совпадёт, а это невозможно, если только человек не станет богом. Но бога нет. Каждый *материальный объект существует во времени и пространстве, вне которых немислимо существование чего-то вообще в качестве объективного явления*, способного стать предметом познания и практики. Все многообразие сущего — это различные формы проявления бытия во времени и пространстве.

Не является в этом смысле исключением и человек. Более того, человек как существо практическое объективирует бытие духовного посредством самообъективации, постоянно опредмечивая свою сущность в процессе созидания «второй природы» — культуры, которая, вместе с тем, представляет собой и *систему ценностей*, опосредующих отношение человека как к первой, так и ко второй природе. Данные исторической науки красноречиво говорят о том, что культура не есть нечто неизменное, постоянное и неизменное. И уж, тем более, культура не представляет собой некое самодовлеющее универсальное явление общественной жизни, существующее вне исторического контекста и не способна существовать в отрыве от своего носителя — человека и, еще шире, общества, вне которого она просто бессмысленна, т. к. функционально она теряет свое практическое значение в качестве регулятора общественных отношений.

Культура это своеобразная форма или, иначе, духовная оболочка общественной практики, в которой осуществляется относительно устойчивая духовная фиксация проявления бытия в виде *определённой системы ценностей определённой исторической эпохи*, в которой бытие пребывает в *относительно* устойчивом виде. При этом формы фиксации локализованы во времени и пространстве, что позволяет бытию пройти процесс

саморазличения и проявить более конкретно свое содержание. В связи с этим тезис о неизменности эйдосов как вечных смыслов системообразующего характера, прежде всего в моральном отношении, представляет собой попытку метафизического «отрыва» бытия от форм своего проявления, рассмотрение его структуры вне связи или даже, точнее, независимо от наличных форм сущего. В таком случае явления, не согласующиеся с дедуктивными выводами, сделанными на основе незыблемого содержания эйдетических начал, рассматриваются как несоответствующие действительности и, соответственно, как неистинные. Однако культура современности (да и любой иной исторической эпохи) представляет собой весьма красочную палитру, каждым цветом которой является конкретный народ, общество, нация и т. п. При этом культуры тех или иных обществ порой коренным образом отличаются друг от друга. Человек, выросший в одной стране и оказавшийся в другой, всегда испытывает культурный шок. Помимо этого, стоит обратить внимание и на то, что в лоне культуры конкретного народа в ходе его исторического бытия культурные ценности, так или иначе, меняют свое содержание в связи с изменением самих общественных отношений. Приведем банальный пример — женщины в профессиональном спорте. Что уж говорить о смене пола? Аморально ли это? С точки зрения традиционных ценностей — да. Но развитие науки, а следовательно, и медицины приводят к тому, что такие операции становятся частью повседневной жизни и, возможно, будут восприниматься как норма в будущем, т. к. представляют собой средство достижения индивидом свободы самоопределения уже не в качестве социального субъекта, а в качестве биологической разновидности. Что самое главное — условия рыночной экономики способствуют развитию возможностей предоставления подобных хирургических услуг. Поэтому само капиталистическое общество с точки зрения традиционализма — зло, царство аморальности. Но факт остается фактом — современный человек (хотя бы российский) живет именно в таком обществе.

Получается, что бытие, проявляющееся только через нечто конкретно сущее, характеризуется процессуальностью и, соответственно, нуждается в небытии как условии своего становления в противном случае оно превратится в нерасчлененный монолит, однородность которого приведет к утрате всякого содержания, т. к. превратит его в пустую абстракцию. Бытие станет пустым и утратит смысл как понятие, придающее единство всему многообразию сущего. Небытие — это своеобразная

«червоточина» в самом бытии. *Существовать сегодня, значит исчезнуть завтра. В противном случае не будешь существовать вообще.*

Сознание человека актуализирует соотношение бытия и небытия в качестве познавательной проблемы, но эта проблема — субъективное отражение объективных процессов разной степени интенсивности. Наиболее интенсивны процессы, протекающие в обществе. И чем стремительней характер этих изменений, тем актуальней становится познавательная проблема, вращающаяся вокруг связки «бытие-небытие», решение которой на уровне философского осмысления мира приводит к важнейшим мировоззренческим выводам.

Соответственно длительность материальных процессов на уровне их осознания приобретает форму онтологической проблемы соотношения бытия и небытия. Таким образом, между двумя этими понятиями существует диалектическое единство, представляющее собой *психическое отражение* процессов изменения объективной реальности. Взаимное отрицание приводит к единению, т. к. только через отрицание они обнаруживают свой смысл пусть и крайне абстрактный, при этом не «сливаясь» друг с другом. Само единство при этом представляет собой ноумен, если использовать терминологию философии Канта.

Абсолют в смысле онтологического коррелята каждого из двух элементов этой абстрактной понятийной структуры, а точнее того противоречия, о котором сказано чуть выше, *не существует*. Это понятие во многом тождественно по своим характеристикам с понятием бога. В философских системах (если рассматривать его как понятие) оно служит преимущественно для того, чтобы преодолеть тупик мышления, связанный с безуспешностью завершить познание бесконечности как объективной реальности или, если угодно, объективной реальности в ее бесконечности. Сведение бесконечности к одному максимально содержательному понятию приводит к парадоксу: для абсолюта пространство и время как атрибуты не нужны, т. к. они придают ему характер чего-то относительного, соответственно приходящего. Но в таком случае говорить о нем как о понятии, обозначающим нечто постоянно, *извечно* существующее в качестве всеобщего основания, нет смысла, т. к. постоянно только движение. Поэтому в мире нет ничего абсолютного, раз и навсегда данного. Из этого можно сделать вывод, что и мораль не является чем-то абсолютным, т. к. она в эмпирическом смысле представляет собой различные системы ценностей порой прямо противоположных друг другу. Например, в некоторых культурах украсть у своего — плохо, а у инородца — нормально.

Мы приходим к выводу, что человек как часть природы, так или иначе, представляет собой элемент становления объективной реальности. Соответственно он как существо разумное с течением времени, т. е. в процессе своего исторического бытия, осознает свою конечность во времени и пространстве прежде всего как материальная единица (физическое существо), поэтому преходящий характер своего существования для него очевиден через «призму» соотношения природы и сознания. При этом абсолютизация трансцендентного единства (Единое в неоплатонизме — наглядная иллюстрация сказанному) как онтологической связки между бытием и небытием представляет собой своеобразную попытку преодолеть собственную конечность на онтическом уровне, т. е. на уровне непосредственного, эмпирически данного, существования здесь и сейчас, в форме переживания. *Но абсолюта не существует*. Признание абсолюта существующим приводит к признанию деятельности человека, самой жизни и бесконечную материальную вселенную бессмысленной, т. к. абсолютное единство не нуждается для своего существования ни в каких противоположностях. В этом смысле проявлением абсолюта следует признать гермафродитов-моллюсков или бактерии.

Придя к такому выводу, мы можем приступить к рассмотрению более насущной проблематики, которая вытекает из наших рассуждений. Какова в таком случае ценность жизни, коль все находится в движении и одно со временем сменит другое на всех уровнях проявления бытия (органическое и неорганическое, материальное и духовное)? Не приведет ли это к жизненному пессимизму, а как следствие и общественной апатии?

Мы подошли к следующему этапу наших размышлений. Можно ли теперь говорить о практическом значении комплекса выше приведенных выводов, основанных на признании становления в качестве первичной фундаментальной характеристики реальности?

Основной сферой практического применения философских знаний являются общественные отношения, прежде всего — межличностное взаимодействие между людьми, в ходе которого, так или иначе, затрагиваются этические аспекты бытия человека. Как известно «этика — область философских теорий, которая осмысливает такую специфичную форму духовного бытия, как мораль, т. е. своеобразного надбиологического инструмента регулирования межличностных отношений посредством идеалов должностования». Получается, что этика — раздел философии, посвященный морали как одной из форм существо-

вания общественного сознания (наряду с правом, идеологией, религией и т. д.), представляющий собой систему логически обоснованных суждений о должном поведении человека с точки зрения всеобщих идей о добре. Соответственно и этика — теория добродетели, обосновывающая при помощи всеобщих ценностей достойное поведение человека. Должное как императив поведения выражает общезначимое, т. е. этика обосновывает это должное в поведении человека с точки зрения соответствия этого поведения общему благу. Поэтому «человечность» — основной вектор этических суждений. В этом аспекте этика базируется на аксиологии. Ведь нельзя высказывать суждения о должном поведении, не имея чёткой системы ценностей — фундамента этики. В ходе развития философии ценность подобно другим фундаментальным понятиям определяли по-разному. Но не вызывает сомнений, что это понятие интеллигентное прежде всего, т. к. ему сложно подобрать объективно существующий материальный аналог, вследствие чего возникает представление об этических ценностях, как о самобытных (индетерминированных) феноменах духовного бытия. В этом смысле они служат критерием для оценки того или иного поступка как добродетельного. В то же время ценность не может возникнуть и пребывать вне общества, вне общественных отношений, которые проявляют противоречивое единство материального и духовного. Сегодня в академической среде не принято ссылаться на идеи исторического материализма, но мне кажется, что для научного исследования идеологические предубеждения создают только препоны, отдаляя от истины, а не приближая к ней. Поэтому выскажу мнение, что труд как целенаправленная деятельность по преобразованию среды обитания в — существенная характеристика человека. Человек это существо психофизическое, соответственно и формы его духовного бытия не могут быть полностью независимы от условий его существования. Практика трудовой деятельности приводит к накоплению знаний об окружающем мире. Чем обширней преобразование реальности, тем содержательней формы отражения преобразующей деятельности. К примеру, палеоантропология давно установила тот исторический факт, что первобытный человек уже умел проводить такую рискованную хирургическую операцию, как трепанация черепа. В условиях отсутствия антисептических средств такое хирургическое вмешательство в организм вряд ли было бы успешным. Однако костные останки первобытных людей свидетельствуют, что около 70 % людей, подвергшихся такой операции, пережили её благополучно [4, с. 29]. Соответственно

есть основания говорить, что меры антисептической обработки были известны уже тогда, но вот только сама практика врачевания воспринималась сознанием первобытного человека как синкретический процесс магического воздействия и лечебного одновременно. Не случайно обладателями знаний (в том числе медицинских) в древних обществах были чаще всего жрецы. Поэтому вполне вероятно, что антисептические средства могли использоваться в качестве своеобразной защиты от вредоносных духов болезни, но при этом выполняя и свою прямую функцию. Но сегодня уже невозможно себе представить нейрохирурга, который будет обрабатывать оперированную часть тела, произнося магические заклинания. Поэтому ценность и ценностные ориентиры общества во многом (если не полностью) обусловлены общественными отношениями, отличающимися определённым уровнем развития материальных условий существования человека, созданных им самим. В то же время неправильно рассматривать ценности как нечто сродни результату развития материальных условий существования человека. Они во многом также влияют и на развитие общественных отношений, находясь в диалектическом единстве с материальным миром. Ведь зарождение и развитие врачевания свидетельствует и о зарождении и развитии морали, которая во многом идет бок о бок с практикой врачевания и определяет духовную структуру общества соответствующей исторической эпохи. Поэтому любая ценность есть дочь своего времени и вне материальных условий бытия человека она существовать не может. А эти условия — результат его труда. Ведь человек, не смотря на свои слабые адаптивные характеристики по сравнению с другими представителями животного мира, сумел создать ойкумену, в которой выживание для него стало более эффективным. И все это благодаря практике преобразования окружающей среды, мерой которой является труд. Однако человек не только создаёт, но в ходе своего творчества (в широком смысле) и разрушает как естественную среду обитания, так и старые формы общественных отношений.

В настоящее время структура общественных отношений настолько сложна, что этический компонент жизни человека порой остаётся без внимания, а массовая культура основывается на аморальности как главном правиле потребления информационных продуктов. Возможно, это можно объяснить высокой скоростью общественных преобразований, что приводит к быстрой девальвации устоявшихся мировоззренческих ценностей, при условии отсутствия чёткого ценностного

ориентира для нарождающейся эпохи. В этом ракурсе размышления можно прийти к такому выводу: в становлении бытия, в частности его общественной формы, человек настолько разрушает устойчивые границы своей осознанности окружающего его мира (это усугубляется высокоскоростным информационным обменом), что это поневоле актуализирует соотношение бытия и небытия как познавательную и фундаментальную мировоззренческую проблему. И в аксиологическом и, соответственно, этическом аспектах решение этой проблемы может привести к повальному пессимизму, своеобразному аксиологическому тупику. Если всё преходяще, а многообразие стремительно изменяющихся форм бытия рационально не объяснимо в силу неустойчивости форм интеллектуально отражения социальной жизни, то ценность самой жизни падает почти до нуля. Именно такой лейтмотив является своеобразной интеллектуальной оболочкой для различных упаднических идей. Зачем утруждать себя следованием морально-нравственным ценностям, если конец моего индивидуального бытия (существования) неизбежен? В этическом отношении это приводит как нигилизму, так к гедонизму с многочисленными крайними формами выражения. Но повторимся еще раз, что человек это особая форма жизни, которая *практически* взаимодействует с природой,

преобразуя её и саму себя. В этом контексте автор придерживается марксистской точки зрения, хотя сегодня ссылаться на марксизм и не принято. Поэтому еще раз признаем правоту мнения, согласно которому исключительно способность разумного существа самому решать вопрос о том, какое возможное движение в данных условиях места и времени ему осуществлять и есть способность самоконтроля, самоуправления, самостоятельности. Если бы люди были лишены этой способности, если бы их деятельность не контролировалась их сознанием и волей, они были бы марионетками объективных законов природы и истории [1, с. 128].

Пограничное состояние человека между бытием и небытием отчётливо осознанное в эпоху стремительных общественных перемен, нужно оценивать как условие, позволяющее преодолеть мировоззренческий кризис переходной эпохи, в противовес упадническим убеждениям, которые приводят к морально-нравственному тупику. Ценность индивидуального проявления жизни как момента в становлении бытия позволяет человеку увидеть в своём ближнем родственное существо, что стимулирует его добродетель и освобождает от внешней необходимости, которая таким образом преобразуется им в компонент собственной сущности. *Быть* человеком — тяжёлый труд.

Список литературы

1. Воронович, Б. А. Философский анализ практики / Б. А. Воронович. — М., 1972. — 278 с.
2. Горохов, П. А. Размышления о человеке эпохи глобализации / П. А. Горохов // Философия и культура информационного общества : VIII Междунар. науч.-практ. конф. — СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения, 2020. — С. 57—59.
3. Горохов П. А. Философские размышления о «Человеке будущего» в мировой фантастике / П. А. Горохов // Философия и культура информационного общества : тез. докл. VII Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 ч. — СПб., 2019. — С. 39—42.
4. Сорокина, Т. С. История медицины / Т. С. Сорокина. — М. : Академия. 2016. — 560 с.
5. Фридрих Энгельс о диалектике естествознания. — М. : Наука, 1973. — 576 с.

Сведения об авторе

Шпека Константин Александрович — кандидат философских наук, доцент, Уральский государственный медицинский университет, Екатеринбург, Россия. *kshpeka@mail.ru*

*Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No. 11 (457).
Philosophy Sciences. Iss. 62. Pp. 16—23.*

The value dimension of the correlation of being and non-being. To the formulation of a moral problem

Shpeka K.A.

Ural State Medical University, Yekaterinburg, Russia. kshpeka@mail.ru

The article deals with the problem of correlation of being and non-being with the concept of becoming through the prism of an axiological problem. The author explores the nature of man using the concept of practice, applying conclusions to determining the causes of the origin of values, and comes to the conclusion about the high axiological significance of the actualization of the border state of man by the modern era.

Keywords: *being, non-being, becoming, life, practice, person, value, axiology, labour, decadent ideas, epoch.*

References

1. Voronovich B.A. *Filosofskij analiz praktiki* [Philosophical analysis of practice]. Moscow, 1972. 278 p. (In Russ).
2. Gorohov P.A. Razmyshleniya o cheloveke epohi globalizatsii [Reflections on the person of the era of globalization]. *Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva* [Philosophy and culture of the information society]. St. Peterburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet aerokosmicheskogo priborostroeniya. 2020. S.57-59. (In Russ).
3. Gorohov P.A. Filosofskie razmyshleniya o «Cheloveke budushchego» v mirovoj fantastike [Philosophical reflections on the «Man of the future» in world fiction]. *Filosofiya i kul'tura informacionnogo obshchestva* [Philosophy and culture of the information society]. St. Peterburg, 2019. Pp. 39—42. (In Russ).
4. Sorokina T.S. *Istoriya mediciny* [History of medicine]. Moscow, Akademiya, 2016. 560 p. (In Russ).
5. *Fridrih Engels o dialektike estestvoznaniya* [Friedrich Engels on the dialectics of natural science]. Moscow, Nauka, 1973. 576 p. (In Russ).